

DOI: 10.31857/S032103910002904-7

К ВОПРОСУ О ШУМЕРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В АККАДСКОМ

Часть I

Р. М. Нуруллин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: rmnurullin@hse.ru

Статья носит обзорный характер и служит введением к будущим исследованиям, посвященным разбору отдельных лексем. В данной части работы обсуждаются следующие вопросы: выявление шумеризмов в аккадском и аккадизмов в шумерском; основные источники сведений о фонологии шумерского языка.

Ключевые слова: шумерский язык, аккадский язык, лексические заимствования

ON SUMERIAN LOANWORDS IN AKKADIAN

Part I

Rim M. Nurullin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: rmnurullin@hse.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research. Projects Nos. 16-06-00371; 17-04-00514

The paper surveys the current state of knowledge about Sumerian loanwords in Akkadian and is intended as a prolegomenon to future studies dealing with specific lexemes. The paper discusses the following problems: identification of Sumerian loanwords in Akkadian and vice versa; key sources for reconstructing Sumerian phonology.

Keywords: Sumerian language, Akkadian language, loanwords

Данные об авторе. Рим Маратович Нуруллин — старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Автор благодарен Л.Е. Когану и Н.В. Козловой, которые ознакомились с рукописью настоящей статьи и высказали множество ценных замечаний. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 16-06-00371 и 17-04-00514).

Носители аккадского и шумерского языков сосуществовали на территории Месопотамии на протяжении большей части III тыс.¹ Неудивительно поэтому, что шумерский язык оказал глубокое влияние на аккадский. Так, влиянием шумерского языка, судя по всему, следует объяснять утрату аккадским языком большинства гуттуральных фонем, унаследованных им от прасемитского состояния. Вероятно, под шумерским влиянием в аккадском языке сложилась категория вентива. Нормальный для аккадского языка порядок слов субъект-объект-предикат (в противовес характерному для других семитских языков порядку предикат-объект-субъект), очевидно, повторяет порядок слов шумерского языка². Наиболее ощутимо влияние шумерского языка в области лексики. Заимствования из шумерского образуют обширный пласт аккадского словаря. По подсчетам Д.О. Эдцарда и М.П. Штрека их доля составляет около 7% от всего аккадского лексикона³. Впрочем, необходимо отметить, что эти подсчеты основаны на материалах «Чикагского ассирийского словаря» (*CAD*), в котором представлены все этапы развития и диалекты аккадского языка. Таким образом, как признает сам Эдцард, это число позволяет лишь приблизительно оценить влияние шумерского языка на аккадскую лексику⁴. Интересны также цифры, приведенные С. Либерманом, чье исследование опирается на данные старовавилонского диалекта (первая половина II тыс.). Либерман насчитывает в этом диалекте 525 шумеризмов (из них 102 встречаются только в лексических списках, т.е. могут рассматриваться как искусственные, «ученые» заимствования)⁵. К сожалению, определить на основании этого числа долю шумерских заимствований в старовавилонских текстах затруднительно ввиду отсутствия лексикографических пособий, специально посвященных этому диалекту.

Следует признать, что выявление шумерских заимствований в аккадском языке сопряжено с определенными трудностями. В значительной степени это связано с тем, что родство шумерского с какими-либо современными или древними языками до сих пор не установлено. Невозможность обратиться

¹ Все даты в статье — до нашей эры. Первые несомненные свидетельства о присутствии аккадоязычного населения на территории Месопотамии содержатся в текстах, датированных периодом Фары (раннединастический период IIIa), ок. XXV в. (здесь и далее все даты приводятся по «средней» хронологии) и происходящих по преимуществу из городищ Фара и Абу-Салябих (см. Krebernik 1998, 260–270; Sommerfeld 2010, 84–95). По мнению ряда исследователей, носители ранних форм аккадского языка должны были присутствовать на севере Месопотамии и до периода Фары, однако эта гипотеза пока не находит убедительного подтверждения в дошедших до нас письменных источниках (см. Sommerfeld 2006).

² См. подробнее Edzard 2005a, 56–61 (в более кратком изложении: Edzard 2003, 173–177).

³ См. Edzard 2005a, 61–62; 2003, 178. После смерти Эдцарда подсчеты были продолжены Штреком, который приводит окончательные цифры в своей рецензии на завершающий том *CAD*. Согласно Штреку, из 16526 лексем, содержащихся в *CAD*, 1157 составляют шумеризмы (Streck 2014, 105).

⁴ Так, наряду с глубоко укорененными заимствованиями из шумерского при подсчете учитываются и поздние «ученые» шумеризмы, образованные вавилонскими писцами уже после того, как шумерский перестал быть разговорным языком. Кроме того, представляется необходимым разделять данные вавилонского и ассирийского диалектов, так как последний был в меньшей степени подвержен шумерскому влиянию.

⁵ См. Lieberman 1977, 2 (далее для указания на эту работу мы будем использовать сокращение *SLOB*).

к сравнительным данным ведет к тому, что исконно шумерская лексика практически не может быть отделена от заимствованной (исключение составляют явные аккадизмы, см. ниже). Применительно к шумеро-аккадским связям в области лексики это означает, что с полной уверенностью определить направление заимствования можно лишь в ограниченном числе случаев. Так, аккадское слово следует считать шумеризмом, когда шумерское слово-источник имеет прозрачную внутреннюю этимологию⁶. С другой стороны, если в паре явно близких друг другу по значению и звучанию слов шумерского и аккадского языка аккадское слово имеет ясную семитскую или внутреннюю этимологию, шумерское слово с необходимостью следует считать аккадизмом. Довольно часто, однако, аккадские слова, у которых находятся очевидные параллели в шумерском языке, не этимологизируются ни на материале аккадского, ни на материале других семитских языков, а для соответствующих шумерских лексем невозможно предложить убедительную внутреннюю этимологию. Рассуждая абстрактно, для каждой такой пары слов можно предполагать направление заимствования как из шумерского в аккадский (иногда такая трактовка принимается в ассириологии по умолчанию, см. ниже прим. 10), так и наоборот (нет нужды подчеркивать, что отсутствие у аккадского слова семитской или внутренней этимологии еще не означает, что оно не относится к исконно аккадской лексике). Можно, однако, выделить ряд признаков, благодаря которым направление заимствования удастся прояснить в довольно большом числе случаев подобного рода.

Прежде всего отметим, что многие шумеризмы структурно отличаются от исконно аккадских лексем. Как и для других семитских языков, для аккадского характерно преобладание трехсложных корней и образование слов по определенным консонантно-вокалическим моделям⁷. В то же время непроеизводные шумерские слова, как правило, одно- или двусложны, при этом консонантно-вокалическая структура двусложных основ часто не совпадает ни с одной из продуктивных моделей аккадского языка. Так, например, в случае со следующими парами слов можно с большой долей уверенности предполагать направление заимствования из шумерского в аккадский: *tû* ‘заклинание’ < **tu**₆ (*SLOB* No. 673); *šukkallu* ‘визирь’ < **sugal**₇ (*SLOB* No. 609); *temmennu*

⁶ В настоящей статье аккадский текст дается курсивом, шумерский — полужирным начертанием, при этом, следуя грамматике Б. Ягерсмы, для знаков, употребленных с фонетическим (слоговым) значением, мы дополнительно используем курсив, см. Jagersma 2010, 12, 27–29. Названия клинописных знаков даются заглавными буквами. Аккадские лексемы приводятся без мимации. Ср., например, *kuttimmu* ‘ювелир’ < **ku**₃-**dim**₂ (**ku**₃ ‘драгоценный металл’, ‘серебро’ + **dim**₂ ‘изготавливать’ *SLOB* No. 411); *pakuttu* ‘срезанные ветви’ < **pa**-**ku**₅(**d**) (**pa** ‘ветвь’ + **ku**₅(**d**) ‘отрезать’ *SLOB* No. 548); *tupšarru* ‘писец’ < **dub**-**sar** (**dub** ‘(глиняная) табличка’ + **sar** ‘писать’ *SLOB* No. 146); *zammukku* ‘начало года’, ‘новогоднее торжество’ < **za**₃-**mu**(**k**) (**za**₃ ‘бок’, ‘край’ + **mu** ‘год’ + показатель генитива /-(a)k/ *SLOB* No. 706). См. также *SLOB*, p. 17.

⁷ См. список моделей в *GAG* § 54–57. Следует признать, что стяжение дифтонгов, а также падение полугласных и гуттуральных согласных и стяжение образовавшихся в результате сочетаний гласных приводит к тому, что структурные различия между исконно аккадскими словами и заимствованиями из шумерского часто оказываются затемнены. См., например, аккадский инфинитив (авилонский диалект) *kalû* ‘удерживать’ (< *kalā*²*u*) и *kalû* ‘певчий’ (< *kala*-*u*(*m*)), заимствованное из шум. *gala* (*SLOB* No. 260).

‘закладной дар’, ‘закладная надпись’ < **temen** (*SLOB* No. 666); *aškāpu* ‘коже-венник’ < **ašgab** (*SLOB* No. 74).

С другой стороны, аккадизмы в шумерском могут сохранять аккадские служебные морфемы. Речь, главным образом, идет о показателе номинатива /-u(m)/, типичном для поздних заимствований из аккадского⁸. Кроме того, следует упомянуть суффикс /-a/, который характеризует многие ранние аккадизмы (значение этого суффикса остается предметом дискуссии)⁹. Однако немало аккадских слов было заимствовано в шумерский в виде чистой основы (*status absolutus*). Именно среди таких примеров определить направление заимствования удастся далеко не всегда¹⁰.

Еще одна особенность, свойственная подавляющему большинству аккадизмов, состоит в том, что они передаются на письме слоговыми знаками (для записи исконно шумерских слов, как правило, используются логограммы, подробнее об этом см. ниже). См., например, **dam-gara**₃ ‘торговец’ < *tamkāru*¹¹; **dam-ḥa-ra** ‘битва’ < *tamḥāru*¹²; **Bu-uh₂-ru-um** ‘собрание’ < *puḥru*¹³;

⁸ См. списки заимствований из аккадского в текстах эпохи III династии Ура, приведенные в Hilgert 2002, 80–85; Sallaberger 2011, 357–359; Kaneva, Kozlova, Vizirova 2010, 90–91.

⁹ См. Keetman 2013. См. также списки аккадских заимствований в раннединастических текстах, приведенные в Krebernik 1998, 265 (период Фары, ок. XXV в.) и Bauer 1998, 437 (старошумерский период, XXIV в.). Отметим, что список Креберника (всего шесть лексем) не содержит слов, оканчивающихся на /um/, в то время как в списке Бауэра (всего 24 лексемы, некоторые примеры следует признать спорными) мы находим два таких слова: **gi-na-tum** “Garantiebetrag”, **zi-ri-gum₂** “eine Röhre” (см., однако, критическую оценку этих двух примеров в Sommerfeld 2006, 48–49).

¹⁰ В качестве примера можно указать шум. **eren** ‘кедр’ (вероятно, это слово могло также обозначать определенные виды можжевельника, см. Klein, Abraham 1999–2000, 65–66). Шумерское слово нередко рассматривается как источник акк. *erēnu* ‘кедр’ (см., в частности, *SLOB* No. 184). Ср., однако, точку зрения Л.Е. Когана (Kogan 2012, 242–244), согласно которой акк. *erēnu*, вероятно, следует связывать с празападносемитским *^{sr}ar^{sr}- (см. араб. ^{sr}ar^{sr}- ‘можжевельник’, джиббали ^{sr}ar^{sr}ejr ‘тамариск’, угар. ^{sr}r ‘тамариск’, евр. ^{sr}ar ‘тамариск(?)’). В рамках этой гипотезы аккадское слово понимается как сочетание нередуцированной основы ^{sr}ar- и суффикса /-ān/ (*^{sr}ar-ān-) или же как результат диссимиляции **erēru* > *erēnu*. Если эта этимология верна, шум. **eren** должно было быть заимствовано из аккадского. Ярким примером служит также пара слов шум. **gu** ~ акк. *qū* (оба слова значат ‘лен’, ‘нить’). Акк. *qū*, как правило, считается заимствованием из шумерского (см. *AHW*. 924b; *SLOB* No. 247). Однако наличие у аккадского слова когнатов в других семитских языках скорее свидетельствует об обратном направлении заимствования (см. Huehnergard 1991, 696). См. в особенности сокотрийское *qā* ‘нить’ (*LS* 365). Мы благодарны Л.Е. Когану, обратившему наше внимание на этот пример.

¹¹ Ср. фонетическое употребление знака GARA₃ для записи слова *qarrādu* ‘герой’ в раннеаккадской ономастике (см. Krebernik 1998, 261, n. 213). Акк. *tamkāru* образовано от глагола *makāru* ‘задействовать (серебро и пр.) в торговле’ (об истории этого корня см. Krebernik 2016).

¹² Аккадское слово образовано от глагола *maḥāru* ‘встречать’, ‘принимать’.

¹³ Знак BU имеет слоговые чтения /bu/ и /pu/. Шумерское слово принято читать как **pu-uh₂-ru-um**, однако ввиду фонетического соответствия акк. /p/ ~ шум. /b/, характерного для ранних заимствований из одного языка в другой, чтение **bu-uh₂-ru-um** следует признать не менее вероятным. Акк. *puḥru* образовано от глагола *paḥāru* ‘собираться’.

du₂-lu-bu-um ‘платан’ < *dulbu*¹⁴; *har-ra-an* ‘дорога’ < *harrānu*¹⁵; *da-ri₂* ‘вечный’ < *dārû* (< *dārī-u(m)*)¹⁶. Для передачи аккадских заимствований может также применяться принцип ребусного письма, например *na-gada* ‘пастух’ < *nāqīdu*¹⁷; *iš-gana₂* ‘дополнительная выплата’ < *iškinū*¹⁸; *ra/ra₂-gaba* ‘всадник’ < *rākibu*¹⁹. Необходимо, впрочем, отметить, что для записи некоторых аккадизмов регулярно используются логограммы²⁰. Чтение этих логограмм, как правило, известно нам по старовавилонским или более поздним лексическим спискам (II—I тыс.), однако благодаря так называемой избыточной орфографии можно утверждать, что по крайней мере некоторые из них имели то же чтение уже в текстах III тыс.²¹: прежде всего *buru₁₄* ‘урожай’ < *ebūru*²²;

¹⁴ См., например, Edzard 1997, 33, v 57. Ср. также форму *du₂-ul-bu-um* в текстах из Гаршаны (Kleinerman, Owen 2009, 40). Ср. араб. *dulbā* ‘платан’ (*LSyr.* 155, *DJBA* 319, *MD* 104, см. также заимствованное из арамейского новоперс. *dulb*, см. Ciancaglini 2008, 149), араб. *dulb-* ‘платан’ (*Lane* 902). Нельзя исключать, что арамейское слово было заимствовано из аккадского. В свою очередь, араб. *dulb-* может быть арамеизмом.

¹⁵ Ср. угар. *hṛn* ‘группа людей’, ‘караван’ (*DUL* 400, см. также Kogan 2015, 335). Угаритское слово, возможно, представляет собой аккадизм.

¹⁶ Аккадское слово состоит из основы *dār-* ‘вечность’ и суффикса *-ī-*, посредством которого образуются относительные прилагательные.

¹⁷ Шумерское слово записывается посредством силлабограммы *na* и логограммы для шум. *gada* ‘лён’. Ср. угар. *nqd* ‘старший пастух’ (*DUL* 630), евр. *nōqēd* ‘старший пастух’ (*HALOT* 719), сир. *nāqdā* ‘пастух’ (*LSyr.* 445), араб. *naqad-* ‘разновидность овцы’ (*Lane* 2836), *naqqād-* ‘пастух, стерегущий овец *naqad-*’ (*Lane* 2837).

¹⁸ Шумерское слово записывается посредством силлабограммы *iš* и логограммы для шум. *gana₂* ‘обрабатываемая земля’, ‘поле’. Акк. *iškinū* образовано от глагола *šakānu* ‘ставить’.

¹⁹ Шумерское слово записывается посредством силлабограмм *ra* или *ra₂* и логограммы для шум. *gaba* ‘грудь’. Акк. *rākibu* образовано от глагола *rakābu* ‘ехать верхом’.

²⁰ Мы не включаем в приведенный ниже список аккадизмы, встречающиеся только в лексических списках. См., например, чтение *erišti* знаков *GAL.ZU* (*MSL* 14, 134 ii 14, ср. акк. *erištu* ‘желание’) или чтение *kalab* знака *UR* (*MSL* 14, 57:648, ср. акк. *kalbu* ‘собака’). По-видимому, в большинстве случаев такого рода речь идет о поздних искусственных аккадизмах или же об аккадском чтении логограммы. Отдельно следует упомянуть аккадизмы, которые изначально передавались при помощи слоговых знаков, однако впоследствии стали записываться логографически. См., в частности, *be₆-lu₅-da/beluda* (PA.AN) ‘обычай’, ‘ритуал’ < *belūtu* ‘власть’, ‘господство’ (см. Powell 1972, 210, n. 128; Steinkeller 1987, 58); *a-bul₅-la/abulla* (KA₂.GAL) ‘ворота’ < *abullu* (см. Steinkeller 1978); *mar-za/ġarza* (PA.AN), *ġarza₂* (PA.LUGAL) ‘обряд’ < *paršu*; *ma-al-ga/ġalga* (E₂/GA₂×NIG₂) ‘разум’, ‘совет’, ср. *milku* (вавилонский диалект), *malku* (ассирийский диалект). См. также следующие примеры, для которых установить хронологическое распределение слоговой и логографической записи представляется затруднительным: *i₃-bi₂-la/ibila* (TUR.UŠ) ‘наследник’ < *aplu*; *a-ru₁₂-da/uruda* ‘медь’, ср. акк. *werû* (см. критическую оценку этого сближения в Sommerfeld 2006, 60).

²¹ Избыточная орфография состоит в том, что при присоединении к основе слова, оканчивающегося на согласный, суффикса, начинающегося с гласного, для записи этого суффикса выбирается знак структуры CV, где C повторяет конечный согласный основы (см. примеры в прим. 23, 25, 27).

²² Ср. евр. *‘ābūr* ‘урожай’ (*HALOT* 777), араб. *‘ābūr(ā)* ‘зерно’ (*DJPA* 393a, *DJBA* 840a, *LSyr.* 509, *MD* 340a). Форму шумерского слова можно объяснить афerezой начального гласного (см. примеры в Jagersma 2010, 61).

libir ‘старый’ < *labīru*²³; **sagi** ‘кравчий’ < *šāqû*²⁴; **silim** ‘быть благополучным’ < *šalim* ‘он благополучен’ (форма статива 3 л. ед.ч.м.р. от глагола *šalāmu*)²⁵; **suḥuṣ** ‘корень’, ‘основание’ < *šuršu*²⁶; **šum**₂ ‘чеснок’ < *šūmū*²⁷; **ugula** ‘начальник’ < *waklu*²⁸. Можно привести также следующие менее надежные примеры: **ezem** ‘праздник’²⁹, **išib**

²³ См. **libir-ra** в текстах эпохи III династии Ура (passim). Аккадское слово образовано от глагола *labāru* ‘быть старым’. По мнению ряда исследователей, источником шумерской лексики служит глагольная форма статива 3 л. ед.ч.м.р. *labir* «он стар» (см., например, Steiner 2003, 633).

²⁴ Аккадское слово образовано от глагола *šaqû* ‘поить’. Шумерское слово пишется знаками SILA₃.ŠU.DU₈.(A) (на уровне логограмм это написание может быть понято как «тот, кто держит (**šu du₈-(a)**) мерный сосуд (**sil₃**)»). Эта логографическая запись встречается уже в текстах раннединастического периода. Необходимо, однако, отметить, что чтение шумерского слова известно по единственной слоговой записи в литературном тексте старовавилонского периода: **e₂ sa-gi zabar tur-ra-ka** (*PRAK D 41 i 29*). Ср. параллельный стих **e₂ sagi**(SILA₃.<ŠU.>DU₈.A) **zabar tur-ra-ka** в *VAS 2*, 26 vi 36' (подробнее см. Jacobsen 1957, 119, п. 59). Нельзя исключать, что сочетание знаков SILA₃.ŠU.DU₈.(A) в текстах III тыс. следует трактовать не как сложную логограмму (**sagi**), а как составное шумерское слово **sil₃-šu-du₈-(a)**. Вопреки Тэйлору (Taylor 2002, см. также *MSL* 12, 68, прим. к стк. 118), запись со знаком A (SILA₃.ŠU.DU₈.A) едва ли может служить свидетельством в пользу чтения шумерского слова как **sagia**. Скорее речь идет о факультативном элементе логограммы (см. Civil 1972, 386 ad p. 23:21).

²⁵ Написания типа **silim-ma**, подтверждающие /m/ в ауслауте шумерского слова, известны уже из старошумерского Лагаша (XXIV в.). См., например, ^{8e5}**apin silim-ma** ‘целый плуг’ (*Nik.* 1, 287). См. также Steinkeller 2015, 39–42, где предлагается интерпретировать имя собственное *si-li-mu-du* (ср. также написания *si-la-mu-UD* и *si-la-mu-du* = /silmutu/?) в текстах из Эблы (XXIV в.) как слоговую запись хорошо известного шумерского имени DI(**silim**)-(d)**utu**.

²⁶ Семитская этимология акк. *šuršu* приводится в Kogan 2012, 231–232. Соответствие акк. /r/ ~ шум. /ḥ/ известно также по паре слов **ḥuṣ** ‘красный’, ‘гневный’ ~ *ruššû* ‘красный’ (аккадское слово, по-видимому, заимствовано из шум. **ḥuṣ-a**: основа **ḥuṣ** + номинализирующий суффикс /-a/).

²⁷ Прасем. **tūm-* (см. подробную дискуссию в Kogan 2012, 248–251). Логограмма встречается уже в текстах из архаического Урука (конец IV тыс.), см. *ZATU* No. 496. Наиболее ранние написания, подтверждающие чтение шумерского слова как **šum**₂, происходят из старошумерского Лагаша, см. **ki šum**₂-**ma** ‘место, (где растет) чеснок’ (passim).

²⁸ Аккадское слово образовано от глагола *wakālu* ‘доверять(?)’ (ср. араб. *wakala* ‘доверять’ *BK* 1598, геэз *tawakkala* ‘доверять’ *CDG* 612). Этот глагол крайне слабо представлен в аккадском, ср., однако, корневой вариант *takālu* ‘доверять’, ‘полагаться’ (подробнее см. Kouwenberg 2010, 454). Первые свидетельства в пользу чтения знака PA как **ugula** относятся к староаккадскому периоду. См. глоссированное написание **ugula**(PA)^{la}-**be**₂ «начальник над этим» (*CBS* 8789 rev., цит. по: Sommerfeld 2006, 65, п. 130).

²⁹ Ср. акк. *wasāmu* ‘быть подобающим, уместным’, *simānu* ‘подходящее время’, ‘сезон’ (ср. араб. *mawsim* ‘время паломничества’, ‘ярмарочный сезон’ *BK* 1538). См. критическую оценку этого сближения в Sommerfeld 2006, 61. Шум. **ezem** было заимствовано в аккадский как *isinnu* ‘праздник’ (*SLOB* No. 366).

(тип жреца)³⁰, *niġir* ‘глашатай’³¹, *sa_m* ‘цена’³², *šabra* ‘управляющий’³³, *šaggin/šag(g)ana(kum)* ‘военачальник’³⁴, *ušum* ‘(мифический) змей’³⁵. Причины, по которым для ряда аккадских заимствований предпочтение было отдано логографической записи, в целом остаются неясными. Мы можем с осторожностью предположить, что по меньшей мере некоторые из приведенных выше слов представляют собой ранние, хорошо адаптированные аккадизмы, которые могли попасть в шумерский язык либо до возникновения клинописного письма, либо на том этапе его развития, когда фонетическое (слововое) употребление знаков оставалось слабо развитым³⁶.

Наконец, следует коснуться вопроса о возможности независимого заимствования в аккадский и шумерский слова из некоего третьего языка. По понятным причинам в случае со многими парами очевидно сходных шумерских и аккадских лексем такая возможность остается открытой. Эта проблема стоит особенно остро ввиду того, что языки, носители которых могли вступать в контакт с шумероязычным и аккадоязычным населением Месопотамии, известны крайне скудно³⁷. Так, мы располагаем лишь отрывочными сведениями о лексике хурритского, эламского и аморейского языков. Следует, однако, учитывать, что, по крайней мере начиная со второй половины III тыс. (возможно, на протяжении всего III тыс.), шумерский и аккадский были доминирующими языками Месопотамии. При этом нет

³⁰ Ср. чтение шумерского слова как *i-zi-ib* в *MSL* 14, 34:72 (Proto-Ea). Ср. акк. *wašāpu* ‘заклинать’, *wāšipu* ‘заклинатель’. См. критическую оценку этого сближения в Sommerfeld 2006, 62–63. Шум. *išib* было заимствовано в аккадский как *išippu* (тип жреца; отсутствует в *SLOB*).

³¹ Ср. акк. *nāgīru* ‘глашатай’ (ср. *nugguru* ‘обвинять’, ‘наговаривать’?). См. критическую оценку этого сближения в Sommerfeld 2006, 64.

³² Ср. акк. *šāmu* ‘покупать’, *šīmu* ‘покупка’, ‘товар’, ‘цена’. См. резко отрицательную оценку этого сближения в Sommerfeld 2006, 57–58.

³³ Ср. акк. *šāpīru* ‘правитель’, ‘управляющий’ (< *šapāru* ‘посылать’, ‘управлять’). См. критическую оценку этого сближения в Jagersma 2010, 64, п. 16. Шум. *šabra* было заимствовано в аккадский как *šabrū* ‘управляющий’ (*SLOB* No. 614).

³⁴ Форма шумерского слова остается не вполне ясной, см. *MDP* 57, p. 29; Mittermayer 2006, 200, No. 291a; Borger 2010, 402, No. 701; Schrakamp 2010, 199–201. Ср. акк. *šaknu* ‘ставленник’ (< *šakānu* ‘ставить’). По-видимому, более удачной, хотя и не лишенной трудностей, следует признать внутреннюю этимологию, предложенную для шумерского слова в *CAD* Š, 175b («Sum. *šakan* + *ak* ‘he of the *šakan*’, *šakan* may stand for ‘donkey’»; см. также “*der des šagan-Equiden*” (/šagana(k)/), Schrakamp 2010, 200–201). Шумерское слово было заимствовано в аккадский как *šakkanakku* ‘военачальник’ (*SLOB* No. 573).

³⁵ Ср. акк. *bašmu* ‘(мифический) змей’ (ср. прасем. **baṭan-*, см. *SED* II No. 63). См. критическую оценку этого сближения в Sommerfeld 2006, 58.

³⁶ История развития фонетического компонента шумерского письма подробно описана в Jagersma 2010, 17–26.

³⁷ Определенное представление о языках, с которыми сталкивались жители Древней Месопотамии, можно получить благодаря шумерским литературным текстам, дошедшим до нас в копиях старовавилонского периода. Так, в отрывке из поэмы об Энмеркаре и владыке Аратты, повествующем о разделении языков, упоминаются языки стран Субарту (хурритский?) и Хамази (стк. 141), Шумера и Аккада (стк. 142–143), а также язык страны Марту (аморейский) (см. Mittermayer 2009, 122). В гимне Шульги, царя эпохи III династии Ура, утверждается, что этот царь мог говорить на пяти языках: шумерском, эламском, аморейском, «субарейском» (хурритский?), а также на языке страны Мелухха (хараппский?) (см. Rubio 2006, 172).

особых оснований полагать, что в историческую эпоху шумерский или аккадский были подвержены сколько-нибудь существенному влиянию со стороны какого-либо третьего языка³⁸. Напротив, интенсивное взаимовлияние этих двух языков (в том числе в области лексики) не подлежит сомнению. Таким образом, хотя теоретически возможность независимого заимствования в шумерский и аккадский некоторого слова из третьего языка действительно не может быть исключена в довольно большом числе случаев, а priori она каждый раз должна оцениваться как маловероятная. Необходимо также подчеркнуть, что гипотеза о заимствовании из третьего языка, как правило, не может быть ни доказана, ни опровергнута. По-видимому, в какой-то степени обосновать ее можно лишь в том случае, когда между парой явно близких друг другу слов шумерского и аккадского языков наблюдаются нерегулярные фонетические соответствия³⁹.

³⁸ Выдвинутая Б. Ландсбергером гипотеза о существовании в шумерском языке лексики, заимствованной из неких субстратных языков, критически оценивается в современной науке (см. Rubio 1999; 2005; Steiner 2005; Jagersma 2010, 4; Kaneva, Kozlova, Vizirova 2010, 91–92; ср. Whittaker 2005). Гипотеза М. Сивилия, заключающаяся в том, что в шумерском присутствуют заимствования из некоего семитского языка, не тождественного аккадскому (Civil 2007, 17), нуждается в тщательном обосновании (см. Kaneva, Kozlova, Vizirova 2010, 91).

³⁹ Редкий случай, когда с некоторой долей уверенности можно предполагать независимое заимствование в шумерский и аккадский слова из третьего языка, представляет собой пара слов *šallūru/šennur* (вид сливы, возможно, алыча культурная, *Prunus cerasifera*), см. Powell 2003–2005, 19a; вопреки фон Зодену, акк. *šannūru* в текстах из Нузи не является вариантом акк. *šallūru* (AHw. 1149; см. также Richter 2012, 350b); скорее, речь идет об отдельной лексеме, см. CAD N₂ 351a *ša nūri* ‘lamp’). См. нерегулярные фонетические соответствия акк. /l/ ~ шум. /n/, акк. /a/ ~ шум. /e/ (отметим, что /š/ в аккадском слове восходит к раннеакк. /t/, об этом свидетельствует вхождение в лексическом списке из Эблы, где первый слог аккадского слова передается знаком ŠA (= /tə/), см. Civil 2008, 26:038). Вероятно, *šallūrum/šennur* происходят из хурритского языка. Непосредственный этимон остается незаидентифицированным (согласно Г. Вильгельму, хурритское слово *šalluri* входит в состав топонима Šallurrašwe, см. Wilhelm, 1998–2001, 126b; Richter 2012, 347b; ср. также топоним *tlrbj* – *šallurbâ* в слоговой орфографии — известный по текстам из Угарита, см. DUL 894; Soldt 2005, 46–47, 186–187). Однако судить о его существовании позволяет армянское слово *salor* ‘слива’ (см. также многочисленные диалектные варианты, приведенные в Greppin 1991, 203, п. 3), предположительно попавшее в армянский из родственного хурритскому урартского языка (см. литературу, приведенную в Richter 2012, 347–348). В качестве другого примера можно привести пару слов *ašūhum/u₃-suh₅* «сосна» (о значении этих слов см. Powell 1992, 116–117; Postgate 1992, 180. Возможно, шумерское слово следует нормализовать как /osoḥ/, ср. SLOB Nos. 71, 527, 605). Вероятным этимоном является хуррит. *ašūhi (ašoḥi)* ‘сосна’, ‘смола сосны’ (Richter 2012, 62). В пользу такого направления заимствования говорит тот факт, что хурритское слово можно анализировать как сочетание основы *aš(i)* и суффиксов /-o/ и /-(h)ḥe/ (см. Haas 2003, 244; кроме того, эту гипотезу подкрепляет правосточнокавказская этимология, предложенная для этого слова в Diakonoff, Starostin 1986, 41). Однако в этом случае фонетические соответствия между акк. *ašūhu* и шум. *u₃-suh₅* носят регулярный характер (соответствие акк. /š/ ~ шум. /s/ характерно для ранних заимствований из одного языка в другой; гласный /u/ в первом слове шумерского слова может быть объяснен гармонией гласных). Нельзя поэтому исключать, что хурритское слово было заимствовано напрямую только в один из языков, в то время как в другом языке мы имеем дело с опосредованным заимствованием.

Шумерские заимствования в аккадском представляют особую ценность для изучения фонетического строя шумерского языка. Как известно, для записи шумерского языка применялось словесно-слоговое письмо, при этом слоговые знаки употреблялись главным образом для записи служебных морфем и слов иноязычного происхождения (прежде всего, аккадизмов), в то время как подавляющее большинство исконно шумерских лексем передавалось посредством логограмм⁴⁰. Лексикографические пособия, призванные разъяснить чтение шумерских логограмм, появляются в Месопотамии лишь в начале старовавилонского периода (наиболее ранние манускрипты датируются XVIII в., см. *MSL* 14, 8; 15, 4). Кроме того, от старовавилонского периода до нас дошло значительное число шумерских текстов, частично или полностью записанных слоговой орфографией. В предшествующие эпохи последовательная передача шумерских лексем фонетическими знаками встречается крайне редко⁴¹. Шумеризмы в аккадском, таким образом, оказываются важнейшим источником сведений как о произношении отдельных шумерских слов в III тыс., так и о ранней шумерской фонологии в целом. Ниже мы подробнее остановимся на проблеме реконструкции инвентаря фонем шумерского языка, опираясь прежде всего на данные старовавилонских лексических списков и шумерские заимствования в аккадском.

Чтение подавляющего большинства шумерских лексем известно сегодня благодаря месопотамским лексическим спискам. В первую очередь следует упомянуть списки Ea и Diri, в которых разъясняется произношение шумерских слов, передающихся на письме логограммами, и дает-ся их аккадский перевод⁴². Оба этих списка известны, главным образом,

⁴⁰ В аккадских текстах распределение логографического и фонетического компонентов письма качественно иное. По крайней мере начиная со староаккадской эпохи (XXIII–XXII вв.), логограммы используются для записи сравнительно узкого круга лексем, в то время как большинство слов передается слоговыми знаками (исключения составляют хозяйственно-административные документы, в которых логограммы нередко преобладают над фонетическими знаками). Подробнее об истории развития аккадского силлабария см. Soden, Röllig 1991, xxvi–xxxvii; Hasselbach 2005, 28–39.

⁴¹ Яркое исключение составляют тексты из Эблы. Прежде всего следует упомянуть так называемый «Эблаитский список знаков» (Ebla Sign List), содержащий сведения о произношении около 110 шумерских лексем (Archi 1987; Veldhuis 2014, 133–135). Кроме того, в Эбле были обнаружены записанные слоговой орфографией версии хорошо известных в Месопотамии III тыс. лексических списков (см. Krecher 1983–1984; Civil 1982; 1984; Veldhuis 2014, 85, 89, 93, 130–131). Опубликованы также две школьные таблички, одна из которых разъясняет произношение шумерских числительных от двух до десяти (*MEE* 3, 54, см. Edzard 2005b), а другая приводит в слоговой записи несколько стихотворных строк и имен собственных (см. *ARET* 5, No. 24; Krebern timer 1997). Фонетические глоссы к шумерским лексемам встречаются также в двуязычном «Эблаитском вокабулярии» (Il vocabolario di Ebla (VE), Pettinato, *MEE* 4; см. в особенности многочисленные глоссы в источнике (testo) 81 (= i), см. *MEE* 4, 100–103). В эпоху III династии Ура спорадические слоговые написания и фонетические глоссы встречаются в текстах из Ниппура, Гаршаны и Ирисагрига (см. Sauren 1969; Wilcke 2000, 34–49, 66, 69–75; Kleinerman, Owen 2009, 175; Sallaberger 2011, 338–339).

⁴² Оба списка получили свое название по первой строке текста. В списке Ea приводятся логограммы, состоящие из одного знака, в Diri — «сложные» логограммы, состоящие из двух или более знаков.

по манускриптам I тыс.,⁴³ когда шумерский уже долгое время существовал только как мертвый письменный язык. Гораздо больший интерес для реконструкции шумерской фонологии представляют старовавилонские предшественники списков I тыс., известные в современной ассириологии как Proto-Ea и Proto-Diri⁴⁴. Ранние и поздние версии интересующих нас лексических произведений нередко расходятся относительно того, как следует читать то или иное шумерское слово. В большинстве таких спорных случаев предпочтение должно быть отдано вариантам из старовавилонских списков. Отметим, в частности, что в Proto-Ea и Proto-Diri сохраняется чуждая аккадскому языку шумерская фонема /ġ/ [ŋ], которая в позднейшей традиции была утрачена⁴⁵. Чтение *di-ġi₆-ir* (знак AN) в Proto-Ea 135 (*MSL* 14, 37), таким образом, точнее передает фонетический облик шумерского слова со значением ‘бог’, чем *di-gir¹* (BUR) в Ea II 271 (*MSL* 14, 259). Кроме того, списки I тыс. могут содержать заведомо искусственные чтения, например чтение *pi-sa-an* (GA₂) шумерского слова со значением ‘корзина’ в Ea IV 234 (*MSL* 14, 364), которое не находит подтверждений в ранней лексической традиции и, по всей видимости, возникло под влиянием заимствованного в аккадский из шумерского слова *pisannu*⁴⁶. Все же следует признать, что довольно часто причины, по которым ранние и поздние списки предлагают разные варианты произношения того или иного шумерского слова, остаются неясными. Не всегда есть основания полагать, что чтение из позднего списка — это искаженный вариант «лучшего» чтения, известного по более ранним источникам. Нельзя, в частности, исключать, что в ряде случаев различия между ранней и поздней лексической традицией в действительности отражают разные диалекты шумерского языка⁴⁷.

⁴³ См. подробнее *MSL* 14, 155–156; 15, 5–6.

⁴⁴ Вероятно, оба этих списка были составлены в начале II тыс., вскоре после того как шумерский перестал быть разговорным языком. В наилучшей степени сохранились редакции этих произведений из города Ниппура (*MSL* 14, 3–103; 15, 8–38). Известны, кроме того, отрывки несколько отличающихся версий, происходящих из других городов Месопотамии (см. *MSL* 14, 107–144; 15, 39–63). Версии I тыс. (Ea и Diri) часто обозначаются в ассириологии как «канонические». Важно отметить, что Ea и Diri, по всей видимости, не восходят прямо к ниппурским Proto-Ea и Proto-Diri. Скорее, в их основе лежат некие не дошедшие до нас старовавилонские редакции этих списков (см. *MSL* 14, 107; 15, 6).

⁴⁵ Об особенностях передачи этой фонемы в ранних и поздних лексических списках см. Krecher 1978.

⁴⁶ На основании старовавилонских лексических списков форма шумерского слова, послужившего этимоном для акк. *pisannu*, может быть реконструирована как /beš/zeġ/ (предположительно, из более ранней формы */beš/zaġ/). Cp. Civil 1975, 149; Veldhuis 1997–1998, 127; Mittermayer 2006, No. 93.

⁴⁷ См., например, глагол *sa₄* ((ĤU)NA₂) ‘лежать’ (о животных); ‘называть’ (в сочетании с *mu* ‘имя’; ср. Veldhuis 2002, 76, где предполагается, что речь идет о двух омонимичных глаголах). В Proto-Ea и Proto-Diri для этого глагола предлагается чтение *še-e* (*še₂₁*) ĤU.NA₂ (*MSL* 14, 62:844; *MSL* 15, 30, Sec. 7:7). В пользу этого чтения также свидетельствует вхождение NA₂ *še₃-d(um)* в списке знаков из Эблы (Archi 1987, 96:72) и слоговая запись *še* в старовавилонских манускриптах гимна Ур-Намму (Flückiger-Hawker 1999, 242:30–31, см. также 236:23) Традиционное чтение *sa₄* опирается, главным образом, на поздние лексические списки. См. *sa* ĤU.NA₂ (Igituh I 431, цит. по CAD N₁ 32a; *MSL* 14, 144 ii’ 23’). См. также *ša₂-a* (*ša₂₂*) ĤU.NA₂ (*MSL* 9, 151:58a). Каноническая версия списка

Детальный анализ разночтений между лексическими списками, относящимися к разным эпохам истории Месопотамии, остается насущной задачей современной ассириологии.

Важно отметить, что списки I тыс. стали известны уже на самых ранних этапах изучения шумерского языка, поэтому восходящие к ним чтения глубоко укоренены в ассириологии. Сегодня многие исследователи предпочитают варианты из старовавилонских списков (по возможности мы также следуем этой практике)⁴⁸, однако традиционные («старые») чтения по-прежнему широко употребляемы. Этим объясняется тот факт, что одно и то же шумерское слово может иметь различный облик в работах разных авторов.

Приведем теперь список фонем шумерского языка, в основу которого положен набор силлабограмм, использующихся в Proto-Ea и Proto-Diri для передачи произношения шумерских слов⁴⁹.

Согласные

	Шумные				Сонорные
	Смычные		Щелевые		
	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	
Губные	p	b			m
Зубные	t	d			r, n
Свистящие			s	z	
Шипящие			š [ʃ]		
Боковые					l
Заднеязычные	k	g			ĝ [ŋ]
Увулярные			ħ [x]		

Diri содержит оба варианта: *sa-a* [ḪU.N]A₂ (MSL 15, 186:36), *še-e* [ḪU.NA₂] (MSL 15, 186:41). Кроме того, чтение *sa*₄ подтверждается слоговой записью *sa* в тексте из Ниппура эпохи III династии Ура (Steinkeller 1989, 220, No. 45:2, см. также Wilcke 2000, 73) и использованием знака *sa*₄ в качестве неорфографической записи глагола *sa* ‘жарить’ в старовавилонском литературном тексте (Michalowski 1989, 125:79, MS A). Наконец, важное свидетельство в пользу произношения этого глагола с гласным /a/ в ауслауте представляет собой глагольная форма *he₂-mi-sa₄* (NA₂.ḪU)-*za* в «Цилиндрах Гудеа» (Edzard 1997, 89 ii 6; основа *sa*₄ + суффикс 2 л. мн. ч. /-(e)nzen/ > /...sanzan/, см. Jagersma 2010, 351, ex. 44). Таким образом, оба варианта сосуществовали уже в III тыс. С осторожностью мы относим вариант *sa*₄ к южному диалекту шумерского языка, а вариант *še*₂₁ — к северному (о делении шумерского языка на северный и южный диалекты см. Jagersma 2010, 6—8).

⁴⁸ См., в частности, Mittermayer 2006, x.

⁴⁹ Как было отмечено выше, чтения шумерских слов долгое время были известны, главным образом, по лексическим спискам I тыс. Так как шумерская фонема /ŋ/ к этому времени была утрачена (как правило, в ауслауте /ŋ/ заменяется фонемой /g/, в позиции между гласными — фонемой /g/ или сочетанием /ng/, в ауслауте — фонемой /n/), многие шумерологи, отдавая дань традиции, избегают этой фонемы в своих транслитерациях (в частности, этой практике следует Пенсильванский словарь шумерского языка (PSD), см. критику в Krecher 1988, 244). Фонема /o/, которая последовательно передается только в некоторых старовавилонских лексических списках из Ниппура (см. Westenholz 1991, 12), как правило, игнорируется шумерологами (исключение составляют работы С. Либермана, см. Lieberman 1979; SLOB, p. 66, 75).

Гласные

	Передние	Средние	Задние
Верхние	i		u
Средние	e		o
Нижние		a	

Само собой разумеется, определить фонетические чтения слоговых знаков, на которые опирается приведенная выше реконструкция состава фонем шумерского языка, можно лишь исследовав их употребление в аккадских текстах, так как в этом случае оказывается возможным привлечь сравнительно-исторические данные (исключение составляет серия знаков, передающая шум. фонему /ĝ/). Иными словами, мы полагаем, что знак ВА имеет слоговое чтение /ba/ на основании того, что он используется для записи таких аккадских словоформ, как *li-ba-aš* (*libāš*) «пусть он устыдится»⁵⁰, *i-ba-an-ni* (*ibanni*) «он строит»⁵¹ и т.д. Таким образом, мы располагаем лишь опосредованными знаниями о фонетическом строе шумерского языка⁵². Применительно к шумерскому языку рубежа III и II тыс. многие из принятых в ассириологии обозначений шумерских фонем, по-видимому, довольно точно отражают их произношение, так как к этому времени фонологические системы шумерского и аккадского языков значительно сблизились⁵³. Однако в предшествующие эпохи различия в фонемном строе этих двух языков были весьма существенны. Соответственно, когда речь идет о ранних формах шумерского языка, буквенные обозначения, используемые в современной ассириологии, следует воспринимать не более чем ярлыки, дающие лишь приблизительное представление о действительном фонетическом облике той или иной фонемы.

Ниже мы приводим реконструкцию фонологии шумерского языка старошумерской и саргоновской эпох (XXIV–XXII вв.), предложенную в грамматике Б. Ягерсмы⁵⁴. В таблице наряду с традиционными обозначениями шумерских фонем указывается их предположительный фонетический облик. Символ «—» используется в случае с теми фонемами, которые были утеряны к старовавилонскому периоду и, соответственно, не нашли отражения в месопотамской лексической традиции. Вопросительным знаком отмечены звуки, чей фонематический статус вызывает сомнение.

⁵⁰ Прасем. **bwt* ‘стыдиться’, ср. угар. *bṭ* (*DUL* 249), евр. *bwš* (*HALOT* 116), сир. *bhet* (*LSyr.* 61).

⁵¹ Прасем. **bnj* ‘строить’, ср. угар. *bnj* (*DUL* 230), евр. *bānā* (*HALOT* 139), сир. *bna* (*LSyr.* 78), араб. *bnj* (*Lane* 260).

⁵² По удачному выражению Эдзарда, «мы видим шумерский как бы сквозь тусклое аккадское стекло» (*Edzard* 2003, 7).

⁵³ См. *Keetman* 2004, 196–201; *Sallaberger* 2011, 363–365.

⁵⁴ *Jagersma* 2010, 33. Эта реконструкция набирает сегодня все большую популярность среди ассириологов. В частности, она принята (с незначительными изменениями) в следующих недавних описаниях шумерского языка: *Kaneva, Koslova, Vizirova* 2010; *Zólyomi* 2017.

Согласные

	Шумные					Сонорные
	Смычные		Аффрикаты		Щелевые	
	Глухие	Глухие Придых.	Глухие	Глухие Придых.		
Губные	b [p]	p [pʰ]				m [m]
Зубные	d [t]	t [tʰ]				r [r], n [n]
Свистящие			z [ts]	ʈ [tsʰ]	s [s]	
Шипящие					ʃ [ʃ]	
Боковые						l [l]
Палатальные						– [j] (?)
Заднеязычные	g [k]	k [kʰ]				ŋ [ŋ]
Увулярные					ħ [x]	
Ларингальные	– [ʔ] (?)				– [h]	

Гласные

	Задние	Передние
Нижние	a, ā	e, ē
Верхние	u, ū	i, ī

Реконструкция Ягерсмы, отчасти опирающаяся на работы других ученых, основана на анализе передачи шумерских фонем в ранних заимствованиях из шумерского в аккадский, а также на особенностях употребления слоговых знаков в аккадских текстах III тыс. Как будет видно из дальнейшего изложения, некоторые из решений Ягерсмы могут быть поставлены под сомнение, однако в целом его реконструкция знаменует значительный прогресс в изучении фонологии шумерского языка. В продолжение настоящей статьи мы кратко остановимся на основных положениях этой реконструкции, а также коснемся вопроса о хронологической стратификации шумерских заимствований в аккадском.

Литература / References

- Archi, A. 1987: The 'Sign-list' from Ebla. In: C.H. Gordon *et al.* (eds.), *Eblaïtica: Essays on the Ebla Archives and Eblaïte Language*. Vol. 1. Winona Lake, 91–113.
- Bauer, J. 1998: Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte. In: P. Attinger *et al.* (Hrsgg.), *Mesopotamien: Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen* 1. Fribourg–Göttingen, 429–585.
- Borger, R. 2010: *Mesopotamisches Zeichenlexikon*. 2. Aufl. Münster.
- Ciancaglini, C.A. 2008: *Iranian Loanwords in Syriac*. Wiesbaden.
- Civil, M. 1972: [Rev.:] Wilcke, C. *Das Lugalbandaepos*. Wiesbaden, 1969. *Journal of Near Eastern Studies* 31, 385–387.

- Civil, M. 1975: Lexicography. In: S.J. Lieberman (ed.), *Sumerological Studies in Honor of Thorkild Jacobsen on His Seventieth Birthday June 7, 1974*. Chicago, 123–157.
- Civil, M. 1982: Studies on early dynastic lexicography. I. *Oriens antiquus* 21, 3–26.
- Civil, M. 1984: Studies in early dynastic lexicography II: 3. Word List D 50–57 (ARET 5 No. 23). *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 74, 161–163.
- Civil, M. 2007: Early Semitic loanwords in Sumerian. In: M.T. Roth et al. (eds.), *Studies Presented to Robert D. Biggs*. Chicago, 11–33.
- Civil, M. 2008: *The Early Dynastic Practical Vocabulary A (Archaic HAR-ra A)*. Roma.
- Diakonoff, I.M., Starostin, S.A. 1986: *Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language*. München.
- Edzard, D.O. 1997: *Gudea and His Dynasty*. Toronto.
- Edzard, D.O. 2003: *Sumerian Grammar*. Leiden–Boston.
- Edzard, D.O. 2005a: Wann ist Sumerisch als gesprochene Sprache ausgestorben? *Acta Sumerologica* 22, 53–70.
- Edzard, D.O. 2005b: Sumerian one to one hundred twenty revisited. In: Y. Sefati et al. (eds.), *An Experienced Scribe Who Neglects Nothing: Ancient Near Eastern Studies in Honor of Jacob Klein*. Bethesda, 98–107.
- Flückiger-Hawker, E. 1999: *Urnamma of Ur in Sumerian Literary Tradition*. Fribourg–Göttingen.
- Greppin, J.A.C. 1991: The survival of ancient Anatolian and Mesopotamian vocabulary until the present. *Journal of Near Eastern Studies* 50, 203–207.
- Haas, V. 2003: *Materia Magica et Medica Hethitica: Ein Beitrag zur Heilkunde im Alten Orient*. Vol. I. Berlin–New York.
- Hasselbach, R. 2005: *Sargonic Akkadian: A Historical and Comparative Study of the Syllabic Texts*. Wiesbaden.
- Hilgert, M. 2002: *Akkadisch in der Ur III-Zeit*. Münster.
- Huehnergard, J. 1991: Further South Semitic cognates to the Akkadian lexicon. In: A.S. Kaye (ed.), *Semitic Studies in Honor Wolf Leslau on the Occasion of His Eighty-fifth Birthday, November 14th 1991*. Wiesbaden, 690–713.
- Jacobsen, T. 1957: Early Political Development in Mesopotamia. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 52, 91–140.
- Jagersma, B. 2010: *A Descriptive Grammar of Sumerian*. Ph D. Diss. Leiden. (URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/16107>; дата обращения: 5.11.2018)
- Kaneva, I.T., Kozlova, N.V., Vizirova, E. Ju. 2010: [The Sumerian language]. In: A.A. Kibrik et al. (eds.), *Yazyki mira: Drevnie reliktovyje yazyki Peredney Azii [Languages of the World: Ancient Relict Languages of the Near East]*. Moscow, 19–95.
- Канева, И.Т., Козлова, Н.В., Визирова, Е.Ю. Шумерский язык. В сб.: А.А. Кибрик и др. (ред.), *Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии*. М., 19–95.
- Keetman, J. 2004: Verschlusslaute, Affrikaten und Frikative im Sumerischen. *Archiv orientální* 72, 367–383.
- Keetman, J. 2013. Form und Datierung früher semitischer Lehnwörter im Sumerischen. In: L. Feliu et al. (eds.), *Time and History in the Ancient Near East: Proceedings of the 56th Rencontre Assyriologique Internationale at Barcelona*. Winona Lake, 441–454.
- Klein, J., Abraham, K. 1999–2000: Problems of geography in the Gilgamesh Epics: The journey to the ‘Cedar forest’. In: L. Milano et al. (eds.), *Landscapes: Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East: Papers Presented to the 44th Rencontre Assyriologique Internationale, Venezia, 7–11 July 1997*. Pt. 3. Padua, 63–73.
- Kleinerman, A., Owen, D.I. 2009: *Analytical Concordance to the Garšana Archives*. Bethesda.
- Kogan, L. 2012: Les noms de plantes akkadiens dans leur contexte sémitique. In: R. Hasselbach et al. (eds.), *Language and Nature: Papers Presented to John Huehnergard on the Occasion of His 60th Birthday*. Chicago, 229–267.
- Kogan, L. 2015: *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses*. Berlin–Boston.
- Kouwenberg, N.J.C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. Winona Lake.
- Krebernik, M. 1997: Zur Interpretation von ARET 5, 24–26. In: B. Pongratz-Leisten et al. (Hrsgg.), *Ana šadi Labnani lū allik: Beiträge zu altorientalischen und mittelmeerischen Kulturen: Festschrift für Wolfgang Röllig*. Neukirchen-Vluyn, 185–192.
- Krebernik, M. 1998: Die Texte aus Fāra und Tell Abū Šalābīḥ. In: P. Attinger et al. (Hrsgg.), *Mesopotamien: Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen* 1. Fribourg–Göttingen, 235–427.
- Krebernik, M. 2016: Etymological and historical problems concerning Akkadian *tamkāru* ‘merchant’. *Babel und Bibel* 9, 119–129.
- Krecher, J. 1978: Das sumerische Phonem /g/. In: B. Hruška et al. (Hrsgg.), *Festschrift Lubor Matouš*. Vol. 2. Budapest, 7–73.

- Krecher, J. 1983–1984: Eine unorthographische sumerische Wortliste aus Ebla. *Oriens antiquus* 22, 179–189.
- Krecher, J. 1988: Der erste Band des Pennsylvania Sumerian Dictionary und der Stand der Sumerologie heute. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 78, 241–275.
- Lieberman, S.J. 1977: *The Sumerian loanwords in Old-Babylonian Akkadian*. Missoula, 1977.
- Lieberman, S.J. 1979: The phoneme /o/ in Sumerian. In: M.A. Powell et al. (eds.), *Studies in Honor of Tom B. Jones*. Neukirchen-Vluyn, 21–28.
- Michalowski, P. 1989: *The Lamentation over the Destruction of Sumer and Ur*. Winona Lake.
- Mittermayer, C. 2006: *Altbabylonische Zeichenliste der sumerisch-literarischen Texte*. Fribourg–Göttingen.
- Mittermayer, C. 2009: *Enmerkara und der Herr von Arata: Ein ungleicher Wettstreit*. Fribourg–Göttingen.
- Postgate, J.N. 1992: Trees and timber in the Assyrian texts. *Bulletin on Sumerian Agriculture* 6, 177–192.
- Powell, M.A. 1972: Sumerian area measures and the alleged decimal substratum. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 62, 165–221.
- Powell, M.A. 1992: Timber production in Presargonic Lagaš. *Bulletin on Sumerian Agriculture* 6, 99–122.
- Powell, M.A. 2003–2005: Obst und Gemüse. A.I. Mesopotamian. In: D.O. Edzard et al. (Hrsgg.), *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd 10. Berlin–New York, 13–22.
- Richter, T. 2012: *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden.
- Rubio, G. 1999: On the alleged ‘Pre-Sumerian substratum’. *Journal of Cuneiform Studies* 51, 1–16.
- Rubio, G. 2005: On the linguistic landscape of early Mesopotamia. In: W.H. van Soldt (ed.), *Ethnicity in Ancient Mesopotamia: Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, 1–4 July 2002*. Leiden, 316–332.
- Rubio, G. 2006: Šulgi and the death of Sumerian. In: P. Michalowski et al. (eds.), *Approaches to Sumerian Literature: Studies in Honour of Stip (H.L.J. Vanstiphout)*. Leiden–Boston.
- Sallaberger, W. 2011: Sumerian language use at Garšana: On orthography, grammar, and Akkado-Sumerian bilingualism. In: D.I. Owen (ed.), *Garšana Studies*. Bethesda, 335–372.
- Sauren, H. 1969: Untersuchungen zur Schrift- und Lautlehre der neusumerischen Urkunden aus Nippur. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 59, 11–64.
- Schrakamp, I. 2010: *Krieger und Waffen im frühen Mesopotamien: Organisation und Bewaffung des Militärs in frühdynastischer und sargonischer Zeit*. Ph D. Diss. Marburg. (URL: <https://archiv.ub.uni-marburg.de/diss/z2010/0486/pdf/dis.pdf>; дата обращения: 5.11.2018)
- Soden, W. von, Röllig, W. 1991: *Das Akkadische Syllabar*. 4. Aufl. Roma.
- Soldt, W.H. van. 2005: *The Topography of the City-State of Ugarit*. Münster.
- Sommerfeld, W. 2006: Die ältesten semitischen Sprachzeugnisse — eine kritische Bestandsaufnahme. In: G. Deutscher et al. (eds.), *The Akkadian Language in Its Semitic Context: Studies in the Akkadian of the Third and Second Millennium BC*. Leiden, 30–75.
- Sommerfeld, W. 2010: Prä-Akkadisch. Die Vorläufer der ‘Sprache von Akkade’ in der frühdynastischen Zeit. In: L. Kogan et al. (eds.), *Language in the Ancient Near East: Proceedings of the 53rd Rencontre Assyriologique Internationale*. Vol. 1, Part 1. Winona Lake, 77–163.
- Steiner, G. 2003: Akkadische Lexeme im Sumerischen. In: P. Marrassini (ed.), *Semitic and Assyriological Studies Presented to Pelio Fronzaroli by Pupils and Colleagues*. Wiesbaden, 630–647.
- Steiner, G. 2005: Gibt es ein vor-sumerisches Substrat im südlichen Mesopotamien? In: W.H. van Soldt (ed.), *Ethnicity in Ancient Mesopotamia: Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, 1–4 July 2002*. Leiden, 340–355.
- Steinkeller, P. 1978: On the reading and meaning of a-ZAR-la. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 72, 73–76.
- Steinkeller, P. 1987: [Rev.] Å.W. Sjöberg (ed.), *The Sumerian Dictionary of the University of Pennsylvania*. Vol. 2: B. Philadelphia, 1984. *Journal of Near Eastern Studies* 46, 55–59.
- Steinkeller, P. 1989: *Sale Documents of the Ur-III-Period*. Stuttgart.
- Steinkeller, P. 2015: On the reading of the Pre-Sargonic personal name di-^(d)Utu and related matters. *Journal of Near Eastern Studies* 74, 39–44.
- Streck, M.P. 2014: [Rev.] M.T. Roth (ed.), *The Assyrian Dictionary of the University of Chicago*. Vol. 20: U/W. Chicago, 2010. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 104, 104–107.
- Taylor, J. 2002: On the reading of SILA₃, ŠU.DU₈(A) {‘cup-bearer’}. *Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires* 2, 28.
- Veldhuis, N.C. 1997–1998: The Sur₉-priest, the instrument ^{gi8}Al-gar-sur₉, and the forms and uses of a rare sign. *Archiv für Orientforschung* 44/45, 115–128.
- Veldhuis, N.C. 2002: Studies in Sumerian vocabulary: ^dnin-ka₆; immal/šilam; and še₂₁.d. *Journal of Cuneiform Studies* 54, 67–77.

- Veldhuis, N.C. 2014: *History of the Cuneiform Lexical Tradition*. Münster.
- Westenholz, A. 1991: The phoneme /o/ in Akkadian. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 81, 10–19.
- Whittaker, G. 2005: The Sumerian question: Reviewing the issues. In: W.H. van Soldt (ed.), *Ethnicity in Ancient Mesopotamia: Papers Read at the 48th Rencontre Assyriologique Internationale, Leiden, 1–4 July 2002*. Leiden, 409–429.
- Wilcke, C. 2000: *Wer las und schrieb in Babylonien und Assyrien: Überlegungen zur Literalität im Alten Zweistromland*. München.
- Wilhelm, G. 1998–2001: Name, Namengebung. D. Bei den Hurritern. In: D.O. Edzard (Hrsg.), *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd 9. Berlin–New York, 121–127.
- Zólyomi, G. 2017: *An Introduction to the Grammar of Sumerian*. Budapest.